

УДК 342/511/5

DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2022/4/10-44>

НЕ-ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МОНАРХА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРЕЗИДЕНТА

М. А. Краснов

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

Поступила в редакцию 3 октября 2022 г.

Аннотация: проводится сравнительный анализ института ответственности применительно к монарху и президенту. Монарх не подлежит ни юридической, ни политической ответственности, поскольку монаршая власть имеет трансцендентный источник. Напротив, власть президента производна от народа-суверена, который является его главной инстанцией ответственности – как юридической, так и политической. Однако в реальности привлечь президента к ответственности весьма непросто. Автор показывает некоторые причины этого. Проблему президентской ответственности усугубляет сходство институтов президента и монарха. Как теория, так и конституционное законодательство нередко тяготеют к наделению президента некоторыми, по сути, монархическими свойствами.

Ключевые слова: монарх, президент, ответственность, не-ответственность, неприкосновенность, отрешение от должности, политическая ответственность.

Abstract: the article provides a comparative analysis of the institution of responsibility as applied to the monarch and the president. The monarch is subject neither to legal nor political responsibility, as the monarch's power has a transcendent source. On the contrary, the power of the president is derived from the people-sovereign, which is his main instance of responsibility, both legal and political. In reality, however, it is not easy to hold the president accountable. The author shows some reasons for this. The problem of presidential accountability is exacerbated by the similarities between the institutions of the president and the monarch. Both theory and constitutional law often gravitate toward endowing the president with some essentially monarchical qualities.

Key words: monarch, president, responsibility, non-responsibility, immunity, removal from office, political responsibility.

Предварительные замечания

Общепризнанно, что имманентным свойством института монарха является юридическая **не-ответственность**. Известная работа видного российского дореволюционного государствоведа А. С. Алексева так и называлась «Безответственность монарха и ответственность правитель-

ства»¹. Настоящая статья имеет иную, чем у Алексеева, цель: сравнить проблему ответственности главы государства в монархии и республике. Раньше в российской государственно-правовой литературе обычно употребляли термин «безответственность». В настоящее время это слово приобрело отрицательный смысл, поэтому многие современные исследователи используют термин «неответственность»; мы предпочитаем писать «не-ответственность» (слова «безответственность» и «неответственность» оставлены лишь в цитатах).

Исследователи часто отличают «*позитивную*» («*проспективную*») и «*негативную*» («*ретроспективную*») ответственность. Аргументы несогласия с такой позицией были изложены много лет назад², поэтому здесь лишь скажем, что, по нашему убеждению, конструкция «несет ответственность за...», «отвечает за...» – это не «позитивная ответственность», а только своего рода предупреждение, что в случае неисполнения (плохого, недобросовестного и т. п. исполнения) своей обязанности (обязанностей) данный субъект (лицо, группа лиц, орган, компания и т. д.) понесет ответственность, т. е. претерпит *отрицательные последствия своего поведения*. Соответственно, и *вид ответственности* в значительной мере определяется *характером неблагоприятных последствий* (санкций, мер ответственности), а не «объективной стороной» нарушения. Например, если министра отправляют в отставку за нарушение этических правил, это всё равно будет мерой не моральной, а конституционной (конституционно-правовой) ответственности.

Монарх

Свойство не-ответственности монарха естественным образом вытекает из того, что монаршая власть имеет *трансцендентный* источник (источник власти монарха представляет собой интересную проблему, что требует отдельного исследования). В шекспировском «Ричарде II» епископ Карлейльский восклицает:

Как может подданный судить монарха?
А подданные Ричарда – здесь все!
Ведь даже вора осудить нельзя,
Не выслушав, хоть кража очевидна.
Так можно ли судить вам государя,
Носителя, наместника Господня,
Венчанного, помазанного Богом,
И приговор заочно выносить?³

Однако из этого неверно делать вывод, будто монарх волен делать всё, что ему захочется. У него есть моральные и даже политические огра-

¹ См.: Алексеев А. С. Безответственность монарха и ответственность правительства. М., 1907.

² См.: Краснов М. А. Ответственность в системе народного представительства. М., 1992.

³ Шекспир В. Жизнь и смерть короля Ричарда II // Шекспир В. Собр. избр. произведений : в 18 т. Т. 9 / пер. с англ. М. Донского. СПб., 1993. С. 322.

ничения. Другое дело, что последствия их нарушения в разных государственных моделях были и остаются различными. Так, известный русский адепт самодержавия Л. А. Тихомиров писал, что в России монарх несет *нравственную ответственность перед Богом*⁴ (курсив в цитатах наш. – М. К.), но в практическом смысле это не означало наступления каких-то неблагоприятных последствий. В западноевропейской же традиции несоответствие поведения монарха моральным ожиданиям могло повлечь отстранение его от власти. Так, в раннем Средневековье (IX в.) существовала доктрина, согласно которой «обладатель высшего «достоинства» должен следовать определенной модели поведения. Например, придерживаться правил и традиций, принятых в кругах «своих» региональных элит. Характерно, что слишком глубокое усвоение чужих обычаев, по мнению современников, грозило королю «бесчестьем» (*dehonestatio*), т. е. вероятно, потерей трона»⁵. Иными словами, не-ответственность монарха не абсолютная.

Э. Канторович напоминал о доктринах, согласно которым незаконный монарх (грубо нарушающий собственные законы и моральные ограничения) даже перестает считаться подлинным монархом. В частности, излагая мысли английского юриста XIII в. Генри Брактона, он писал: «Ведь ограничение власти само по себе порождает и оправдывает ее возвеличивание: король признается «викарием Бога», только когда он действует «как Бог», а именно *подчиняясь закону, который и его, и Бога*. Поскольку король является викарием Бога и его слугой на земле, он не имеет никакой власти, кроме той, какую он получает от закона. Еще красноречивее и лучше проясняет дело другое место. Брактон начинает с напоминания о том, что король не имеет равного себе в своем королевстве, не говоря уже о ком-либо, кто стоял бы выше его, а затем продолжает: сам король должен подчиняться не человеку, но Богу и Закону, потому что Закон создает короля... Ибо *нет короля там, где господствует свободная воля, а не Закон*. А то, что он должен подчиняться Закону, поскольку является викарием Господа, становится очевидным из его уподобления Иисусу Христу, вместо Которого он правит на земле»⁶. И далее Канторович резюмировал: «*Ведь если бы король не был законопослушен, он был бы вовсе не королем, а тираном*»⁷.

В эпоху Просвещения появляются рационалистические объяснения монаршей не-ответственности. Например, Ш. Монтескье, перед глазами

⁴ См.: Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М., 1998. С. 238.

⁵ Сидоров А. Обесчестить короля : hono и его место в каролингской политической культуре // Анатомия власти : государи и подданные в Европе в Средние века и Новое время / сост. и отв. ред. О. Воскобойников и О. Тогоева. М., 2021. С. 272.

⁶ Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. Изд. второе, испр. / пер. с англ. М. А. Бойцова и А. Ю. Серegiной. М., 2015. С. 244–245.

⁷ Там же. С. 247–248. Такая «дифференциация» монархов была свойственна многим мыслителям прошлого (Аристотелю, Аквинату, Макиавелли, Монтескье и др.).

которого стоял пример действий английского парламента времен гражданской войны XVII в., писал, что «законодательное собрание не должно иметь власти судить лицо, а следовательно, и поведение лица, отправляющего исполнительную власть. Личность последнего должна быть священна, так как она необходима государству для того, *чтобы законодательное собрание не обратилось в тиранию*; свобода исчезла бы с того момента, как исполнительная власть подверглась бы обвинению или была бы привлечена к суду»⁸.

Ф. Ф. Кокошкин объяснял не-ответственность логикой *исторического развития и пожизненностью правления*: «Исторически начало безответственности установилось задолго до конституционных учреждений, явившись результатом неограниченности власти монарха, с одной стороны, бессрочности его права – с другой»⁹.

Но чаще не-ответственность связывалась с *суверенитетом* монарха. Так, В. В. Ивановский утверждал: «Свобода от подчинения общим законам – по правилу «*princes legibus solutus est*», и как следствие отсюда *безответственность монарха составляет прерогативу представитель монархической власти* не только в государствах абсолютных, но и в конституционных. Это объясняется тем положением, что монарх есть *источник всякой власти*: что власть всех учреждений как административных, так и судебных заимствуется от него, и что поэтому в государстве *нет таких учреждений, которые были бы компетентны судить государя*. Для него существует лишь *суд истории и его собственной совести*»¹⁰. Примерно так же рассуждал и Б. Н. Чичерин: «Король в конституционной монархии не подлежит ответственности за свои действия. Он *носитель верховной власти*, а потому не имеет над собой высшего суда и никому не обязан отчетом»¹¹.

В современных конституционных монархиях, признающих суверенитет народа, такие теоретические обоснования, казалось бы, утеряли смысл. О проблеме двух суверенитетов говорилось выше, в том числе о

⁸ *Монтескье Ш. Л.* О духе законов / пер. А. Горнфельда ; вступ. ст. Д. Хаустова. М., 2019. С. 157.

⁹ *Кокошкин Ф. Ф.* Лекции по общему государственному праву // Кокошкин Ф. Ф. Избранное / сост., автор вступ. ст. и коммент. А. Н. Медушевский. М., 2010. С. 320.

¹⁰ *Ивановский В. В.* Государственное право // Известия и ученые записки Казанского университета. По изданию № 5 1895 г. – № 11 1896 г. § 22. Преимущества или прерогативы субъекта верховной власти // Сайт «Всё о праве». URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc117p0/instrum2817/print2841.html> (дата обращения: 25.12.2008).

¹¹ *Чичерин Б. Н.* О народном представительстве. СПб., 2016. С. 172–173. Обратим внимание читателя, что институт контрасигнатуры здесь трактуется (и совершенно верно) как один из механизмов переноса ответственности на министров. В литературе высказывается мнение, будто этот институт означает отсутствие самостоятельности монарха (см.: *Осавелюк А. М.* Конституционное право зарубежных стран : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». 2-е изд., перераб. и доп. М., 2012. С. 124).

том, что она «ушла» из теоретического дискурса. Но на практике уважение к монарху сохранилось. Еще первая Конституция *Франции* от 3 сентября 1791 г. провозгласила: «Суверенитет принадлежит нации: он един, неделим, неотчуждаем и неотъемлем» (п. 1). Но поскольку в тот период монархия продолжала существовать, Конституция сохраняла отношение к королю как к «особе неприкосновенной и священной» (п. 2).

Сегодня такое «сосуществование» народного суверенитета и не-ответственности монарха наблюдается во многих парламентских монархиях. Например, Конституция *Великого герцогства Люксембург* повторяет формулы первой французской Конституции, устанавливая, что «особа Великого Герцога священна и неприкосновенна» (ст. 4) и в то же время, что «суверенитет принадлежит нации» (ст. 32). Тот же подход мы видим в конституциях *Испании*: «Король неприкосновенен и не подлежит ответственности» (ст. 56) и: «Носителем национального суверенитета является испанский народ, источник государственной власти» (ст. 1); *Бельгии*: «Особа Короля неприкосновенна; его министры ответственны» (ст. 88) и: «Все власти исходят от Нации» (ст. 33)¹²; *Швеции*: «Вся государственная власть исходит от народа» (§ 1 гл. 1 «Формы правления») и: «Король не может быть привлечен к ответственности за свои действия. Также не может быть привлечен за свои действия в качестве главы государства и регент» (§ 7 гл. 5 «Формы правления»); *Таиланда*: «Король возводится на престол в почитании и благоговении, и сей порядок не должен быть нарушен. Никто не может предъявлять Королю какие-либо обвинения или иски» (ст. 8) и: «Верховная власть принадлежит тайскому народу» (ст. 3). В конституциях некоторых других монархий (например, *Королевства Нидерландов*, *Норвежского Королевства*, *Японии*) встречается упоминание либо о не-ответственности монарха, либо о суверенитете народа. Но системный анализ приводит к выводу, что и там речь идет о сочетании обоих элементов.

Стоит обратить внимание и на весьма своеобразную конструкцию в Конституции *Княжества Лихтенштейн*. Здесь наряду с утверждением, что личность монарха (Князя) «священна и неприкосновенна» (ст. 7), содержится общая норма, согласно которой «государственная власть воплощена и закреплена в Князе и в народе, исходит от них и осуществляется ими обоими в соответствии с положениями настоящей Конституции» (ст. 2). Таким образом, здесь признаются два суверена (или «двойной суверен»?)¹³, хотя само понятие «суверенитет» исключает такую возможность.

В XVII в. получила хождение доктрина, которая апеллировала к трансцендентальным категориям, но обосновывала как раз *ответствен-*

¹² При этом, однако: «Постановления и приговоры приводятся в исполнение *именем Короля*» (ст. 40).

¹³ Эта проблема интересовала ученых XIX – начала XX в. В частности, ее подробно рассматривал Леон Дюги (см.: *Дюги Л.* Конституционное право. Общая теория государства / пер. с фр. А. С. Яценко, В. А. Краснокутского, Б. И. Сыромятникова ; предисл. к русскому переводу П. Новгородцева и автора. М., 1908. С. 543–549).

ность монарха. Так, писатель (автор «Потерянного рая») и политический деятель Джон Милтон (Мильтон) в основу своей позиции положил идею, будто от Бога исходит власть не только монарха, но и народа, что дает последнему *право контролировать и «привлекать к ответственности» короля*: «Если по воле Бога в наши дни правят монархи, то и *народ по воле Бога* отстаивает свою собственную свободу; поскольку все от Него и все в Нем»¹⁴. «Свободные *ассамблеи народа исходят от Бога*, что, естественно, дает им право удерживать правителей от превышения власти, а также *отвергать их*, если для этого есть основания»¹⁵. «Если короли и правители хулят Бога, притесняют либо убивают своих подданных, они больше уже *не могут считаться королями и законными правителями*, но должны быть подвергнуты *как простые люди* расследованию, обвинению, осуждению и наказанию *согласно Божественным законам*»¹⁶. Приведенные слова – отрывки из двух памфлетов Милтона, которые написаны им в период Английской революции (череды гражданских войн), а конкретнее, вскоре после того, как в 1649 г. королю Карлу I «республиканцы» отрубили голову. Милтон был на стороне парламента, так что естественно его желание «легитимировать» казнь монарха и тем оправдать свой политический лагерь, а в какой-то мере и себя. В данном случае можно говорить о конъюнктурной (в негативном смысле этого слова) концепции.

Во-первых, в тезисе о равенстве природы власти народа и монарха есть лукавство. Даже не потому, что «народ» – это юридическая фикция и неверно отождествлять «народ» с «парламентом». Дж. Милтон не мог не знать, что в Священном Писании нет ни одного свидетельства о божественности власти народа (тем более, его представителей). Напротив, и Ветхий, и Новый Завет пронизаны, если можно так сказать, идеей антимажоритаризма. Одна из заповедей (за пределами Декалога) гласит: «*Не следуй за большинством на зло*» (Исх. 23: 2). Разумеется, и Божий помазанник – монарх может совершать ошибки и даже преступления. Но это не опровергает идею о трансцендентном источнике его власти, который *является единственной «инстанцией ответственности» монарха*, которая оценивает и «налагает меры ответственности» способами и в формах, недоступных никакой земной инстанции.

Во-вторых, уравнивая природу власти «народа-парламента» и монарха, Дж. Милтон на самом деле обосновывает *право парламента свергнуть короля и наказать его*, но умалчивает об *ответственности самого парламента*¹⁷ и *самого народа*.

¹⁴ Цит. по: *Лафитский В. И.* Великие конституции (истоки, факторы развития и роль в современном мире). М., 2017. С. 199.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 198.

¹⁷ Что может быть мерой ответственности парламента (палаты)? Роспуск? Но этот институт в конституционном государстве является не мерой ответственности (хотя многие так считают), а только способом преодоления конституционного кризиса, возникающего, например, из-за длительного отсутствия кворума для откры-

Наконец, в-третьих, об ответственности можно говорить *только в рамках существующей правовой системы*. При революции право прерывается; на сцену выходит сила (насилие). Так что казнь Карла I была **не** «мерой ответственности» короля перед народом, а физическим устранением лидера (и символа) противоборствующей стороны в гражданской войне (это нельзя признать убийством, так как к смертной казни король был приговорен в открытом судебном процессе, хотя и не вполне законным судом. А вот бессудный расстрел российского императора Николая II (вместе с семьей и слугами) был именно убийством).

Мысль о революции как форме ответственности выдвигалась некоторыми государствоведами. Например, Ф. Моро писал: «Времена монархий «божьей милостью», ответственных *только перед Богом*, миновали. Современная мораль требует ответственности для каждой воли, и абсолютные монархи вынуждены считаться с угрозой возмездия и постоянно опасаться революций, которых может ожидать непопулярное правительство»¹⁸. Действительно, с конца XVIII в. понятие «революция» вошло в европейский дискурс. Но это не означало, будто абсолютные монархи начали сдавать свои властные позиции именно под страхом революции. Они понимали, что конституционализация становится исторической закономерностью (хотя, разумеется, не рассуждали в таких терминах). Монархи же, не понимавшие этого, тем более не страшились революции, считая, что их власть крепка, а со смутьянами разберется полиция или, в крайнем случае, армия.

По мере ограничения власти монарха (превращения абсолютных монархий в *конституционные*), так сказать, снижается и степень его не-ответственности. Дж. Локк, как и его современник и соотечественник Дж. Милтон, тоже признавал, хотя в более мягких выражениях, право на сопротивление государю, который «поставит себя в состояние войны со своим народом, распустит правительство и понудит народ прибегнуть к той защите, на которую имеет право всякий находящийся в естественном состоянии»¹⁹. Однако в качестве общего правила он обосновывал

тия заседаний, неспособности сформировать кабинет и т. д. По поводу роспуска Государственной Думы РФ в случае трехкратного отказа согласиться с кандидатурой премьера (до 2020 г.) В. В. Лапаева верно заметила, что «согласованность действий Президента и Государственной Думы в рассматриваемом вопросе может быть основана лишь на учете прав обеих сторон: права Президента назначать с согласия Думы председателя Правительства РФ (п. «а» ст. 83) и права Думы участвовать в этом назначении в форме «дачи согласия» (п. «а» ч. 1 ст. 103). А «дача согласия» как право участника данного конституционно-правового соглашения означает добровольность этого акта, наличие надлежащих правовых альтернатив и возможности выбора, реальность свободного волеизъявления» (Лапаева В. В. Конституционное правосудие как фактор стабильности конституционно-правовых отношений // Журнал российского права. 1999. № 5/6. С. 61). Поэтому такой роспуск не может быть негативной санкцией.

¹⁸ Моро Ф. В защиту парламентаризма / пер. с фр. Кагана. М., 1908. С. 20.

¹⁹ Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Соч. : в 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 381.

идею *косвенной ответственности монарха*. Соглашаясь с тем, что «*священность особы государя избавляет его от всяких неудобств*» (курсив в источнике. – М. К.), благодаря чему он находится в безопасности от всякого насилия и вреда, пока существует власть²⁰ (за исключением явно тиранического правления), Локк писал, что не-ответственность «распространяется только на личность самого короля и не препятствует тому, чтобы ставились под сомнение, встречали сопротивление и противодействие *те, кто несправедливо применяет силу*, хотя бы они и претендовали на получение от него тех полномочий, которые не санкционированы законом. Это совершенно очевидно в том случае, когда некто имеет королевский приказ арестовать какого-либо человека и ему на то даны королевские полномочия; и однако, обладатель этого приказа не может для его исполнения вломиться в дом человека, равно как не может исполнить это повеление короля в некоторые дни или в некоторых местах, хотя в полученном им предписании ничего не говорится о подобном исключении; но это те ограничения, которые наложены законом, и если кто-либо их нарушает, то королевское предписание не является тому оправданием. Ведь, поскольку власть дана королю лишь по закону, он не может уполномочить кого-либо поступать вопреки закону или оправдать подобный поступок предоставленным им полномочием. <...> Но, невзирая на подобное сопротивление, *особа короля и власть находятся в безопасности*, и, таким образом, не существует угрозы ни для правителя, ни для правления»²¹. Хотя эти рассуждения Локка посвящены обоснованию права на сопротивление незаконным решениям монарха и, соответственно, обязанности не исполнять незаконные приказы (некоторые конституции даже закрепили этот принцип²²), главное, что в них можно ретроспективно обнаружить, это начало тенденции к *ревизии широко понимаемой не-ответственности* государя.

С XIX в. ряд европейских конституций, наряду с ограничением монаршей власти, стали закреплять пусть *символическую, но ответ-*

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 381–382.

²² Например, Конституция Норвежского Королевства 1814 г., действующая с поправками до сего времени, гласит: «Если кто-либо из членов Государственного совета сочтет, что *решение Короля противоречит форме правления или законам* государства либо что оно явно наносит ущерб государству, то *его долг выступить против решения с энергичным представлением и занести свое мнение в протокол*. Тот, кто не будет протестовать таким образом, *считается согласным с Королем, вследствие этого он подлежит ответственности*, определенной ниже, и против него может быть возбуждено Одельстингом обвинение перед Государственным судом» (§ 30). Государственный совет – своеобразный орган, как бы *над-правительство*, формируемое королем совместно с правительством. Аналогичная структура существует во всех скандинавских монархиях. Но госсветы во многом стали формальными органами (см. подробнее, например: *Могунова М. А.* Скандинавские государства : центральные органы власти. М., 1975. С. 173–175). Стортинг – однопалатный парламент Норвегии, но состоит из двух отделений (частей): Лагтинга и Одельстинга.

ственность монарха перед парламентом (народом). Б. Н. Чичерин, например, упоминал о норме в Конституции Франции 1852 г., согласно которой «император, наперекор всем другим конституциям, признается ответственным перед народом. Однако, – добавлял он, – народному представительству не дается право обвинения; потому и здесь это начало *остается призраком*»²³. Об ответственности монарха перед парламентом свидетельствуют и обязанность принесения им присяги, предусмотренной в ряде стран, дача согласия парламентом на зарубежные поездки короля и даже принудительное отречение монарха за невыполнение им своих полномочий²⁴.

Самое главное проявление *косвенной ответственности монарха – это ответственность его министров*. Концепция, согласно которой политическая ответственность возлагается не на монарха, а на его кабинет, появилась еще до эпохи конституционных монархий – в период, когда парламенты только отвоевывали у королей свою политическую значимость. В частности, Ш. Монтескье, хотя и считал, что парламент не должен иметь права судить монарха, не утверждал, будто исполнительная власть вообще должна быть вне критики. Он писал: «...так как тот, кому принадлежит исполнительная власть, может дурно пользоваться ею только потому, что у него *дурные советники, которые как министры ненавидят законы*, хотя и покровительствуют им как люди, то эти советники могут быть *привлечены к ответу и наказаны*»²⁵. Конституции некоторых современных монархий прямо провозглашают такой принцип. Например, ст. 88 Конституции Бельгии: «Особа Короля неприкосновенна; его министры ответственны»; ст. 13 Конституции Королевства Дания: «Король не несет ответственности за свои действия; его личность неприкосновенна. Ответственность за правление несут министры; их ответственность определяется законом».

В *абстракции* такая концепция (ее можно назвать концепцией «замещающей ответственности») не представляется морально безупречной, ибо представляет монарха человеком, как говорят психологи, с экстернальным локусом контроля²⁶ – перекладывающим ответственность (вину) на «внешнего агента», «обстоятельства» и т. п. Но это именно в

²³ Чичерин Б. Н. Указ. соч. С. 173.

²⁴ Так, в первой составной части действующей Конституции Швеции 1974 г. – «Форме правления» – есть норма, гласящая, что Риксдаг может *счесть Короля покинувшим престол*, если монарх *не выполнял* (не мог выполнять) свои обязанности в течение шести месяцев. В этом случае Риксдаг назначает регента или исполняющего обязанности регента (§ 3–6 гл. 5). Конечно, в первую очередь имеется в виду неспособность выполнять обязанности *по состоянию здоровья*. Но теоретически такая «санкция» может последовать и за неисполнение полномочий по другим причинам (аналогичная норма содержится в ст. 35 Конституции Королевства Нидерландов 1983 г.).

²⁵ Монтескье Ш. Л. Указ. соч. С. 157.

²⁶ См., например: Rotter J. B. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement // Psychological monographs. 1966. Vol. 80 (1).

абстракции, ибо в данном случае речь идет не о человеке, а об институте, причем олицетворяющем государство. Монтескье верно утверждал, что если исполнительная власть, т. е. *король*, «подверглась бы обвинению или была бы привлечена к суду», то «в таком случае государство было бы *не монархией, а республикой без свободы*»²⁷.

Не-ответственность монарха, в свою очередь, основана на идее его *неприкосновенности*. Иногда оба эти понятия считают тождественными. Но содержание «неприкосновенности» шире. Оно включает в себя недопустимость ограничения личной свободы, физического насилия, оскорбления, отчуждения собственности.

В Великой хартии вольностей 1215 г. эта идея явственно просматривается. Так, в ст. 20 говорится, что если на человека налагается штраф (наказание), его имущество – товар купца, инвентарь крестьянина – остаются неприкосновенными. В ст. 39 установлен запрет незаконного и несудебного ареста, заключения в тюрьму, лишения владения (имуществом), объявления стоящим вне закона или изгнания. Наконец, в ст. 61 говорится о личной неприкосновенности короля и его семьи: если монарх нарушит Хартию и не исправит нарушение (он сам или, при его отсутствии, королевский юстициарий), возможен захват его замков, земель, владений, пока не будет исправлено нарушение, но «неприкосновенной остается (при этом) наша [монаршая] личность и личность королевы нашей и детей наших». Иными словами, неприкосновенность означала запрет отнимать – свободу, собственность, жизнь. Этот же смысл (в отношении личной свободы) виден в известном понятии «*habeas corpus*», которое в буквальном переводе означает «да имеешь тело» или «пусть у тебя будет тело»²⁸.

Идея физической неприкосновенности монарха как помазанника Божьего очень древняя.

Показателен такой сюжет в Ветхом Завете: первый израильский царь Саул преследует своего бывшего любимца Давида, который стал популярным в народе. Но Давид стремится доказать царю свою лояльность. В том числе и тем, что, имея возможность убить его, не воспользовался этим: «*И пришел Давид с Авессою к людям [Сауловым] ночью; и вот, Саул лежит, спит в шатре, и копье его воткнуто в землю у изголовья его; Авенир же и народ лежат вокруг него. Авесса сказал Давиду: предал Бог ныне врага твоего в руки твои; итак позволь, я пригвозжу его копьем к земле одним ударом и не повторю удара. Но Давид сказал Авессе: не убивай его; ибо кто, подняв руку на помазанника Господня, останется ненаказанным?*» (1 Цар. 26: 7–9). В глазах глубоко верующего Давида, на царе лежит Божественный отблеск, поскольку тот был помазан на царство пророком Самуилом, непосредственно говорившим с Богом и выполнявшим Его волю. В то время еще не было понятия «неприкосновенность» и Давид страшился не земного, а Божественного правосудия.

²⁷ Монтескье III. Л. Указ. соч. С. 157.

²⁸ С трактовкой латинского глагола *habeas* (от *habere* – иметь, обладать, держать) помогла разобраться преподаватель Института классического Востока и античности НИУ «ВШЭ» Мария Сергеевна Касьян.

Хотя история знает много примеров насильственной смены монархов, это не означало покушения на сам принцип неприкосновенности. Свержение так или иначе обставлялось аргументами, призванными легитимировать отстранение от власти действующего монарха и оправдать законность правления нового. Например, в каролингской династии «отстранение государя от власти осмыслялось частью элит, прежде всего клиром, как *исключение его из иерархической вертикали*, в которой именно персона правителя связывала вверенный ему народ с Богом, как лишение его права и обязанности исполнять свою квазисвященническую функцию, с которой он якобы не справлялся, в широком смысле слова отрицание за ним не только права, но и способности заботиться о Церкви и «христианском народе», а также руководить подготовкой подданных к будущему Спасению. При таком подходе смещение пусть и законного, но недееспособного государя оказывалось в глазах мятежников *едва ли не богоугодным делом*, совершаемым ради «общего блага», мерой вынужденной, но необходимой. *Dehonoratio* каролингского правителя не предполагало наличия строго определенной юридической процедуры, ибо *никакого общепринятого алгоритма низложения не существовало*. Это понятие, описывавшее иерархические отношения во власти скорее намедало *границы дозволенного моралью*»²⁹.

Обоснованию возможности «смены монарха» служила также концепция «двух тел короля». Суть ее в том, что *несущественно, кто именно занимает трон (физическое тело), главное – тело политическое*. Эрнст Канторович, глубоко исследовавший эту концепцию и ее вариации, писал: «Его (монарха. – М. К.) *природное* тело (рассматриваемое само по себе) есть смертное тело, подверженное всем превратностям природы и случая вплоть до младенческого или старческого слабоумия, как и прочим подобным бедствиям, случающимся с природными телами прочих людей. Но его *политическое* тело является телом, каковое не может быть видимо или ощущаемо в прикосновении, поскольку *оно состоит из политики и правления и создано для руководства народом и поддержания общего блага*; и это тело совершенно свободно от младенчества или старости и прочих природных недостатков и немощей, которым подвержено природное тело, и по этой причине то, что король совершает в своем политическом теле, не может быть лишено силы и оспорено на основании какого бы то ни было несовершенства его природного тела»³⁰.

Концепция «двух тел» играла положительную роль в обеспечении легитимной преемственности. Правда, в период борьбы английского Парламента с монархом в XVII в. она использовалась в качестве юридического аргумента не только против конкретного короля, но монархии в целом – для оправдания революции. «В декларации, с которой 27 мая 1642 г. выступили лорды и представители палаты общин Англии, говорилось, что мы теперь хорошо знаем о том, что *политическое* (курсив в

²⁹ Сидоров А. Указ. соч. С. 279–280.

³⁰ Канторович Э. Х. Указ. соч. С. 74–75.

источнике. – М. К.) тело короля пребывает ныне в Парламенте, которому следует незамедлительно начать войну с *физическим* телом правителя, т. е. с Карлом I лично»³¹. Через несколько лет после этой декларации королю, как известно, отрубили голову, и на короткий срок была установлена республиканская форма правления.

Поскольку только монарх представляет государство, на чем настаивала, например, немецкая доктрина³², постольку посягательство на его честь означает неуважение, оскорбление государства в целом. К тому же монарх в конституционно-правовом смысле считался *не обычным человеком*. Бенджамин Констан писал по этому поводу: «Король в Англии, император во Франции, носитель монархической власти у всех народов находятся вне сферы политической агитации. **Они – не люди, они – воплощение власти.** Но точно так же, как им *не следует вновь превращаться в людей*, вследствие чего их функции изменяют свою природу, они *не должны подвергаться нападкам*, подобно другим людям. Закон гарантирует гражданам ограждение от нападков со стороны властей, но он должен также давать гарантии от нападков на власть со стороны граждан. *Получив личное оскорбление, глава государства вновь превращается в человека*»³³.

Разумеется, в этих словах есть некоторое утрирование, но в целом они адекватно отображают отношение к монаршей особе. Историки свидетельствуют, что, например, «в каролингскую эпоху (VIII–X вв. – М. К.) формируется представление о *honor regni* – «достоинстве» совершенно иного ранга³⁴. Это понятие, разумеется, не имело четкого юридического (да и вообще любого другого) определения, но скорее всего и не нуждалось в нем, поскольку было понятно современникам. <...> По крайней мере, с начала IX в. практически всякая высшая власть в государстве описывается во франкских источниках как *honor*»³⁵.

³¹ Тогоева О. В тени короля // Анатомия власти : государи и подданные в Европе в Средние века и Новое время / сост. и отв. ред. О. С. Воскобойников, О. И. Тогоева. М., 2021. С. 340.

³² См. об этом, например: Алексеев А. С. К вопросу о юридической природе власти монарха в конституционном государстве. Ярославль, 1910. С. 23 ; Шмитт К. Учение о конституции (фрагмент) // Шмитт К. Государство и политическая форма / пер. с нем. О. В. Кильдюшова ; сост. В. В. Анашвили, О. В. Кильдюшов. М., 2010. С. 51.

³³ Констан Б. Принципы политики, пригодные для всякого правления // Французский классический либерализм : сборник : пер. с фр. М., 2000. С. 155. Кстати, и первая Конституция Франции от 3 сентября 1791 г. гласила: «После явно выраженного или законно предполагаемого отречения король переходит в разряд граждан и может быть подвергнут обвинению и судим наряду с прочими лицами за деяния, совершенные после его отречения» (п. 8 отд. I гл. второй).

³⁴ Дело в том, пишет А. Сидоров, что «*honor* – это прежде всего то, что имманентно присуще церкви, ее институтам, имуществу и людям, у которых есть полномочия этим распоряжаться» (Сидоров А. Указ. соч. С. 270–271). Но в эпоху каролингов это переносится на короля.

³⁵ Там же. С. 271–272.

«Неуважение» можно трактовать весьма широко. На это обратил внимание С. А. Котляревский, говоря о том, что «*чрезвычайно растяжимое применение* дают в Германии закону об оскорблении императора»³⁶. В дореволюционной России, например, можно было поплатиться тюрьмой или каторгой за критику правления, которую легко было приравнять к критике (оскорблению, неуважению) государя. В ст. 267 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., действовавшего с изменениями и дополнениями до февраля 1917 г., говорилось: «Изобличенные в составлении и распространении *письменных или печатных сочинений или изображений*, с целью возбудить *неуважение к верховной власти, или же к личным качествам Государя, или к управлению Его государством*, приговариваются как *оскорбители Величества*: к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу в крепостях на время от десяти до двенадцати лет, а буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, и к наказанию плетью чрез палачей в мере, определенной статьею 21 сего Уложения для четвертой степени наказаний сего рода, с наложением клейм», а в ст. 263 без вариантов предусматривалось «лишение всех прав состояния и смертная казнь» за «всякое злоумышление и преступное действие» не только «против жизни, здоровья Государя Императора», но и «*против чести*». Того же наказания заслуживали те, кто «злоумышлял свергнуть Его с престола, лишить свободы и власти верховной *или же ограничить права оной*, или учинить священной особе Его какое-либо насилие»³⁷. Для сравнения: в ст. 266 проекта этого Уложения была более конкретная формулировка: «Кто осмелится произнести, хотя и заочно, дерзкие оскорбительные слова против Государя Императора или с умыслом будет *повреждать, искажать, или истреблять выставленные в присутственном или публичном месте портреты, статуи, бюсты и иные изображения Его*»³⁸, тот за сие оскорбление Величества присуждается к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу на заводах на время от шести до восьми лет, а буде он по закону не изъят от наказаний телесных, и к наказанию плетью через

³⁶ Котляревский С. А. Конституционное государство // Котляревский С. А. Избранные труды / сост., автор вступ. ст., коммент. К. А. Соловьев. М., 2010. С. 84.

³⁷ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 15 августа 1845 г. // Сайт «История XIX века – письменные, статистические и графические источники». URL: <http://xix-vek.ru/material/item/f00/s00/z0000003/st070.shtml> (дата обращения: 15.07.2015).

³⁸ Как тут не вспомнить анекдотический диалог из книги Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка». Дело, напомним, происходит в г. Праге (тогда Чехия входила в Австро-Венгерскую империю) в 1914 г. Посетитель трактира замечает, что на месте зеркала раньше «висел *портрет государя императора*» (Франца-Иосифа). Трактирщик подтверждает, что висел, «да только *гадили на него мухи*, так я убрал его на чердак. Знаете, еще позволит себе кто-нибудь на этот счет замечание, и *пошлются неприятности*. На кой черт мне это надо?» (Гашек Я. Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны : пер. с чешск. М., 1956. С. 28).

палачей в мере, определенной ст. 21 для шестой степени наказаний сего рода, с наложением клейм»³⁹.

Итак, несмотря на то что многие конституции современных монархий не упоминают о не-ответственности монарха или даже предусматривают ответственность за нарушение некоторых конституционных ограничений, не-ответственность остается имманентным свойством монарха.

Президент

Казалось бы, не нужно доказывать, что президент должен подлежать ответственности, поскольку его власть, в отличие от монарха, производна – он является *избираемым*⁴⁰ и *сменяемым*⁴¹ лицом. Об этом отличии говорил, например, Алексис де Токвиль: «Президент Соединенных Штатов несет *ответственность* за свои действия. Французские же законы говорят о том, что особа короля Франции *неприкосновенна*»⁴². Редко, но и в наше время можно встретить схожее мнение. Например, В. Е. Чиркин писал, что «конституционные положения о неприкосновенности главы государства больше характерны *для монархов* (королей, султанов и др.)»⁴³. Однако сегодня утвердилась точка зрения, согласно которой неприкосновенность в монархическом ее понимании должна распространяться и на президентов. Например, А. М. Осавелюк считает что любой «президент *в принципе неответствен* за свою деятельность». Правда, он противоречит сам себе, утверждая вслед за этим, что «в отличие от монарха его неответственность имеет границы»⁴⁴.

Подобной точки зрения придерживается французский исследователь Б. Матьё. Имея в виду Президента Франции, он утверждает, что «одним из принципиальных вопросов является несоответствие между важностью функций главы государства и его *политической и юридической неответственностью*»⁴⁵. По поводу юридической ответственности такое заявление представляется странным хотя бы потому, что французская Кон-

³⁹ Проект Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, внесенный в 1844 году в Государственный совет, с подробным означением оснований каждого из внесенных в сей проект постановлений. СПб., 1871. С. 84–85.

⁴⁰ Президент избирается как народом, так и парламентом (или образуемой им коллегией), но речь здесь пойдет только об ответственности президента, избираемого на всеобщих выборах.

⁴¹ Здесь не рассматривается случай официального признания пожизненного президентства, ибо президент с потерей присутствующих этому институту свойств теряет и право именоваться президентом. Он в большей мере соответствует понятию «вождь» или близок к природе древнеримского императора, который, в строгом смысле, не был ни монархом, ни главой республики.

⁴² Токвиль А. Демократия в Америке : пер. с фр. / предисловие Гарольда Дж. Ласки. М., 2000. С. 110.

⁴³ Конституция Российской Федерации : науч.-практ. комментарий. 3-е изд. / под ред. Б. Н. Топорнина. М., 2003. С. 605.

⁴⁴ Осавелюк А. М. Указ. соч. С. 214.

⁴⁵ Матьё Б. Место Президента Республики во французской институционной системе : от текста к практике // Политические институты России и Франции :

ституция 1958 г. предусматривает возможность отрешения президента от должности. Но в вопросе о *политической* ответственности, действительно, разобраться сложно, так как не очень понятно, в чем она выражается и в каких формах может проявляться.

Думается, это связано с неопределенностью в понимании, что представляет собой политическая ответственность. Например, тот же автор пишет: «Основополагающим принципом парламентарного режима является *отсутствие политической ответственности* главы государства. В III и IV Республиках неответственность Президента объяснялась тем, что глава государства *не имел действительных полномочий*. В V Республике этот *принцип сохраняется*, несмотря на то, что огромные полномочия, которыми наделен Президент, делают принцип неответственности проблематичным»⁴⁶. Таким образом, Матьё подменяет понятие ответственности понятием «политический вес (политическая значимость)». Действительно, *цена ошибки* (если хотите, цена конституционного нарушения) у президентов в парламентской и полупрезидентской моделях весьма различна. Но сам принцип ответственности президента существует в обеих моделях.

В *принципиальном* плане президент несет ответственность перед народом, его избравшим. Народ как инстанция политической ответственности (хотя в реальности всегда речь идет только об относительном большинстве) оценивает, насколько президент *соответствует ожиданиям*. «Санкцией» здесь выступает *утрата доверия* (можно употребить и другие термины, свидетельствующие о том, что народ *не желает далее видеть* данное лицо президентом страны). Причины утраты доверия разнообразны: президент может считаться виновным и за действительные ошибки, и за решения, действия, только кажущиеся в глазах большинства ошибками, и за стиль поведения, и за совершение морально сомнительного поступка, и даже за последствия ошибок предыдущего правления (в этом случае уместна аналогия с гражданско-правовой концепцией безвиновной ответственности). Однако *как понять, утрачено ли доверие?* По данным социологических опросов? Но опросы каких социологических служб следует класть в основание официального решения? Кто может уверенно сказать, какой процент респондентов будет свидетельствовать об утрате доверия (и при ответе на какой именно вопрос)? И вообще, можно ли делать официальные выводы на основе опросов? Поэтому если уж говорить о реализации политической ответственности, то она возможна *лишь в конституционно-правовой форме*⁴⁷.

традиции и современность : сб. науч. трудов / отв. ред. Д. В. Ефременко, Н. Ю. Лапина. М., 2014. С. 124.

⁴⁶ Матьё Б. Указ. соч.

⁴⁷ Тесная связь политических и конституционно-правовых отношений вообще делает конституционное право *особой отраслью права и юридической наукой*. Когда в XIX в. эта учебная дисциплина вводилась в программу подготовки юристов, кое-кто отказывал ей в юридическом характере. Об этом упоминает Армин фон Богданди: «В ряде случаев введение этой дисциплины [конституционного права]

Прежде всего, в форме *выборов*. Но это верно лишь в самом общем смысле. Ведь, во-первых, между падением уровня доверия и очередными президентскими выборами может пройти довольно много времени и потому поражение может быть не воспринято – ни самим проигравшим, ни политической элитой, ни обществом – как реализация политической ответственности. Во-вторых, президент, работающий в этой должности последнюю каденцию, не сможет баллотироваться. В-третьих, даже поражение действующего президента на выборах не всегда означает политическое «наказание», так как большинству избирателей может просто больше понравиться программа конкурента, его риторика, внешние данные и т. д. Б. Матёе отмечает это, говоря, что «в этом случае оценка прошлой деятельности является лишь элементом среди других преимуществ и недостатков, а *главную роль играет сравнение с другими кандидатами* – с тем, что они собой представляют и обещают в условиях конкретной экономической и международной обстановки»⁴⁸. Таким образом, выборы только *теоретически* можно называть формой реализации политической ответственности, ибо этот институт не предназначен для *оперативной* реакции, и не всегда результаты выборов свидетельствуют о *причинной связи* между поражением президента и негативной реакцией на деятельность.

Казалось бы, идее политической ответственности в большей мере соответствует такой конституционный институт, как *отзыв* президента. О нем упоминает, например, ч. 6 ст. 60 Конституции Австрии (государство с полупрезидентской моделью): «До истечения срока своих полномочий Федеральный президент может быть *отстранен от должности на основании народного голосования*»⁴⁹. Однако и это мало помогает решению проблемы институализации политической ответственности. Дело даже не в том, что мало государств, где предусмотрена возможность отзыва президента, а в том, что в этом институте кроется огромная опасность использования его в спекулятивных целях, особенно учитывая современные методы массового информационно-психологического воздействия. Как бы предвидя это, Конституция Австрии в той же статье закрепляет некоторые гарантии от возможности шантажа угрозой отзыва: инициировать такую процедуру вправе лишь Национальный совет – нижняя

на юридических факультетах носило весьма спорный характер. В то время как в одних странах оно прошло, в общем, без проблем, в других натолкнулось на мощное противостояние политических сил и некоторых правовых дисциплин (особенно из сферы частного права). Профессора частного права Парижского университета даже подали *иск против учреждения кафедры конституционного права*, поскольку опасались, что результаты конституционного правоведения не могут иметь научный характер, что обусловлено *политическим характером дисциплины*, и в связи с этим оно может причинить ущерб репутации правовой науки в целом» (Богданди А. фон. Доктринальный конструктивизм в прошлом и будущем : стратегия ответа на насущные вопросы, стоящие перед конституционно-правовой наукой в Европе // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 1. С. 43–44).

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ В этом, как и во многих других отношениях, австрийская Конституция следует за Веймарской Конституцией, принятой на год раньше.

палата парламента, но *отклонение* избирателями предложения об отзыве считается *новым избранием* Федерального президента «и влечет за собой *ропуск* Национального совета». Иными словами, депутаты нижней палаты, голосующие за инициативу отзыва, должны быть уверены в реальных настроениях, доминирующих в обществе. Правда, и «реальные настроения» отнюдь не всегда свидетельствуют о действительной «виновности» президента, который может проводить политику непопулярную, но жизненно необходимую стране. Впрочем, для Австрии, как и для других полупрезидентских республик с институционально слабым президентом, отзыв вообще не является сколько-нибудь актуальным средством изменения политики.

Таким образом, с одной стороны, трудно отрицать существование политической ответственности, с другой – надо признать, что она эфемерна и не может быть институализирована. Б. Матьё, сравнивая решение Ш. де Голля связать свой добровольный уход с президентского поста с итогами референдумов 1962 и 1969 гг.⁵⁰ и, наоборот, отказ Ж. Ширака уйти в отставку, «когда в 1997 г. на выборах победу одержала оппозиция, а глава государства утратил парламентское большинство»⁵¹, делает вывод, что за прошедшие десятилетия *ответственность президента перед народом значительно ослабла*⁵². Но речь в обоих случаях шла не об ответственности, а о *понимании* обоими президентами своей ответственности, о чувстве, ощущении ответственности и т. п.⁵³

Не менее сложен вопрос о *юридической* ответственности президента. Впрочем, правильнее говорить, наверное, не о сложности, а о *скудости мер* этого вида ответственности. Ведь если не считать такой «экзотической» меры, как отзыв, фактически существует только отрешение⁵⁴ от должности (импичмент⁵⁵). Правда, ряд отечественных исследователей

⁵⁰ В 1962 г. состоялся референдум по вопросу, следует ли Президента Франции избирать на всеобщих выборах. До этого Президент избирался, согласно первой редакции ст. 6 Конституции, избирательной коллегией, включающей членов Парламента, генеральных советов и ассамблей заморских территорий, а также избранных представителей от муниципальных советов. Всего около 100 тыс. человек. И тогда французы высказались за прямые всеобщие президентские выборы. На референдуме 1969 г. касались реформ местного самоуправления и Сената. Но де Голль объявил, что покинет президентский пост в зависимости от итогов референдума. Поскольку большинство избирателей не поддержали президентскую инициативу, Президент де Голль ушел в отставку.

⁵¹ Матьё Б. Указ. соч. С. 124.

⁵² См.: Там же.

⁵³ К тому же решение де Голля вряд ли связано с ответственностью: он хотел оставаться во главе государства только как популярный лидер (нельзя исключать и фактора растерянности власти после майских событий 1968 г. – бунта левацкой молодежи).

⁵⁴ Иногда в конституциях говорится «отстранение», «смещение».

⁵⁵ Хотя импичмент – институт американского (США) конституционного права, этот термин прочно вошел не только в отечественную публицистику и политологию, но и в научный оборот конституционалистов как синоним отрешения прези-

полагают, что мерой конституционно-правовой ответственности президента является также *судебное признание его правовых актов не соответствующими конституции или законам*⁵⁶. Представляется, что это неверно (по отношению не только к президенту, но и к любому другому органу государственной власти). Такое решение не означает, что принявший незаконный акт орган (лицо) претерпевает неблагоприятные последствия. Ведь тогда, например, и отмену приговора нижестоящего суда вышестоящим или кассационным, апелляционным тоже нужно считать мерой ответственности судьи. Но если бы было так, в нормально работающей судебной системе ни о какой судебской самостоятельности не могла бы идти речь.

Несмотря на то что отрешение от должности чаще всего предусматривается за совершение президентами уголовно наказуемых деяний (хотя и не только), причем, как правило, тяжких, или, говоря словами Конституции США, серьезных, импичмент обоснованно считается мерой именно *конституционно-правовой ответственности*: отрешение президента от должности есть наказание не за совершение преступления, а за дискредитацию высокой должности. Не случайно многие конституции (хотя и не все⁵⁷) прямо предусматривают, что после отрешения бывший президент должен предстать перед обычным судом в качестве обвиняемого по уголовному делу. И если бы отрешение от должности считалось мерой уголовной ответственности, был бы нарушен принцип «*ne bis in idem*» («не судят дважды за одно и то же»).

Многие конституционно-правовые отношения выступают формой, внутри которой скрываются отношения политические. И, в первую очередь, это относится к *импичменту*, представляющему собой институт, весьма удобный для политической борьбы (борьбы за власть). Речь идет именно о борьбе, а не о политической ответственности, так как импичмент нередко пытаются использовать не для привлечения действительно виновного президента к ответственности, а для сведения политических счетов и избавления от неудобного президента. Политический характер института импичмента очевиден хотя бы уже потому, что окончательное решение об отрешении президента от должности принимает верхняя палата или особая коллегия, которая даже при наличии серьезных доказательств вины президента может не проголосовать за импичмент (и в

дента от должности (см., например: *Авакьян С. А.* Конституционный лексикон : государственно-правовой терминологический словарь. М., 2015. С. 359–360).

⁵⁶ См., например: *Колосова Н. М.* Конституционная ответственность в Российской Федерации. М., 2000. С. 112 ; *Виноградов В. А.* Конституционная ответственность : вопросы теории и правового регулирования. М., 2000. С. 64–67 ; *Лучин В. О.* Ответственность в механизме реализации Конституции // *Право и жизнь.* 1992. № 1. С. 41–42 ; *Зражевская Т. Д.* Ответственность по советскому государственному праву. Воронеж, 1980. С. 83–85.

⁵⁷ Так, согласно ч. 3 ст. 65 Конституции Чешской Республики, «уголовное преследование за преступления, совершенные в период пребывания в должности Президента Чешской Республики, исключается навсегда».

отличие от обычного суда это не будет считаться неправосудным решением).

Иногда сами конституции предусматривают в качестве основания для отрешения от должности не совершение президентом преступления или иного серьезного правонарушения, а плохое исполнение собственно президентских обязанностей. Вряд ли такую конструкцию можно назвать удачной, ибо она открывает возможность для самого широкого, в том числе спекулятивного, толкования. Например, в абз. 1 ст. 68 Конституции **Франции** сказано, что «Президент Республики может быть смещен лишь в случае невыполнения им своих обязанностей, *явно несовместимого с его мандатом*. Решение о смещении выносится Парламентом, действующим в качестве Высокой Палаты правосудия». Стоит заметить, что «невыполнение обязанностей» – весьма оригинальная формула оснований для импичмента, которую к тому же можно трактовать очень широко. В п. «а» ст. 142 действующей Конституции **Австрии** установлено, что обвинение может быть возбуждено против Федерального президента – в связи с *нарушением им Федеральной Конституции* – по решению Федерального собрания (дело рассматривает Конституционный суд). При этом не указывается, какого рода нарушения Конституции имеются в виду. Поэтому такое основание вполне может использоваться в спекулятивно-политических целях. В § 10 ст. 110 Конституции **Ирана** закреплено положение, согласно которому Лидер страны может отстранить Президента от власти «с учетом интересов страны согласно заключению, вынесенному Верховным судом относительно нарушения им своих законных полномочий либо в соответствии с решением Меджлиса исламского совета о его несоответствии занимаемой должности» (согласно ст. 89, «если как минимум треть депутатов Меджлиса исламского совета подвергнут запросу Президента *по поводу руководства исполнительной властью и управления делами страны*, Президент должен в течение месяца явиться в Меджлис и дать исчерпывающие разъяснения по поводу затронутых проблем. Если после выступлений сторонников и противников, а также ответов Президента две трети от общего числа депутатов проголосуют за несоответствие Президента своему посту, об этом будет сообщено Лидеру страны для выполнения параграфа 10 статьи 110»). Чрезмерно широкий характер имела и формулировка ст. 121.10 Конституции **РСФСР/РФ** 1978 г. (в ред. 1991 г.) Первая часть этой статьи гласила: «Президент Российской Федерации может быть отрешен от должности в случае *нарушения Конституции Российской Федерации, законов Российской Федерации, а также данной им присяги*». Эта процедура была использована для попытки отрешить от должности Президента России Б. Н. Ельцина в апреле 1993 г., но попытка не удалась, так как не хватило 72 голосов депутатов Съезда народных депутатов.

Проблема ответственности за неисполнение президентом некоторых своих конституционных обязанностей, тем не менее, действительно существует. Например, российский Президент обязан: в установленные сроки подписывать или отклонять законы (п. «д» ст. 84); ежегодно обращаться

с посланием к Федеральному Собранию о положении в стране, об основных направлениях внутренней и внешней политики государства (п. «е» ст. 84); после отставки Правительства РФ в двухнедельный срок представить Государственной Думе кандидатуру для назначения на должность председателя Правительства (ст. 111) и пр. Однако вести речь об ответственности за неисполнение подобных обязанностей можно только в теоретическом плане, ибо в Конституции России нет нормы, предусматривающей за это ответственность.

Б. Матьё, имея в виду институт отрешения от должности французского президента, пишет, что «эта ответственность *не является в прямом смысле слова политической*, поскольку решения о смещении президента принимаются большинством в две трети членов Высокой палаты правосудия, а это означает, что глава государства не будет отрешен от должности представителями одного политического лагеря. *Не является она и уголовной*, поскольку не вписывается в рамки Уголовного кодекса»⁵⁸. Об уголовной ответственности, действительно, нельзя говорить. И не только потому, что французская Конституция не упоминает о преступлении как основании для отрешения от должности, но и потому, что, как сказано выше, при импичменте речь идет о привлечении к конституционной ответственности. А вот с отрицанием политической ответственности можно поспорить. Матьё фактически исходит из убеждения, что за смещение президента с должности не проголосуют его однопартийцы и представители идейно близких партий. Тем самым этот институт рисуется не как реализация собственно ответственности, а исключительно как средство избавления от неугодного президента, как средство борьбы за власть. Но если президент действительно не исполняет (плохо исполняет) свои функции, неужели его однопартийцы не будут заинтересованы (хотя бы ради своего политического самосохранения) в том, чтобы отмежеваться от президента, если тот дискредитировал себя?

Однако в *практическом* отношении Б. Матьё прав. Опыт свидетельствует, что импичмент (по крайней мере, его угроза) нередко применяется для сведения политических счетов, политической мести и/или средства для прекращения проводимой президентом политики даже там, где в конституциях в качестве основания для отрешения от должности предусмотрено совершение тяжкого преступления. И это тем легче сделать, чем более широко сформулированы конституционные основания для импичмента.

Так, раздел 4 ст. II Конституции **США** гласит: «Президент, Вице-президент и все гражданские должностные лица Соединенных Штатов могут быть отстранены от должности по импичменту за государственную измену, взяточничество либо за другие серьезные преступления и правонарушения». Такая формула дает хорошую возможность для широкого толкования. Поэтому предъявление обвинений президентам не раз использовалось в истории США как политическое оружие. Например, против Президента Э. Джонсона, которому пришлось маневрировать после Гражданской войны, когда южные штаты пыта-

⁵⁸ Матьё Б. Указ. соч. С. 126.

лись сохранить остатки прежнего положения вещей. В 1868 г. ряд кадровых перестановок стал последней каплей его противников и один из конгрессменов предложил «объявить импичмент президенту Эндрю Джонсону за серьезные преступления и правонарушения, совершенные им в занимаемой должности»⁵⁹, т. е. просто повторил часть конституционной формулы. Комитет для подготовки импичмента, естественно, конкретизировал это, представив девять статей обвинения, которые в основном «касались предполагаемых нарушений закона об ограничении президентских полномочий, но включали и обвинения в организации заговора путем запугивания и угроз»⁶⁰. Затем было добавлено обвинение в «агрессивных высказываниях»⁶¹. Но для импичмента в Сенате не хватило одного голоса. Политически мотивированная попытка объявить импичмент произошла и в 2019 г., когда против Президента *Д. Трампа* были выдвинуты обвинения в злоупотреблении властью и препятствовании расследованию Конгресса (за этими общими формулировками стояли обвинения в том, что Трамп оказывал давление на Президента Украины в собственных личных и политических интересах).

В то же время и конкретные формулировки оснований для отрешения от должности не служат гарантией от спекулятивного использования этого института. Яркий пример представляет собой попытка отрешить от должности Президента Б. Н. Ельцина в 1998–1999 гг. Основания для инициирования импичмента, сформулированные в ч. 1 ст. 93 – государственная измена или совершение иного тяжкого преступления⁶², – казалось бы, не дают возможности для спекуляций. Тем не менее инициаторы импичмента использовали статьи Уголовного кодекса РФ для предъявления своих политических претензий, весьма произвольно установив причинно-следственные связи между проводимой Ельциным политикой и статьями УК РФ. Н. М. Колосова справедливо обратила внимание на это и отметила, что «отрешение президента от власти должно быть средством восстановления конституционной законности, а не способом политической борьбы за власть»⁶³ (правда, при импичменте речь идет не о восстановлении законности, а именно об ответственности президента, переставшего соответствовать своей должности).

Вопрос о *других видах* юридической (помимо конституционно-правовой) ответственности президента в разных странах тоже решается по-разному. Но по общему правилу возможность привлечения к юридической

⁵⁹ Римини Р. Краткая история США / пер. с англ. О. Алексаняна. М., 2018. С. 217.

⁶⁰ Там же. С. 217–218.

⁶¹ См.: Там же. С. 218.

⁶² Стоит отметить, что эта формулировка не вполне ясная. Во время разработки проекта Конституции 1993 г. в действовавшем тогда Уголовном кодексе была статья «Измена Родине», относившаяся к категории тяжких преступлений. Но в новом Уголовном кодексе РФ 1996 г. появилась категория *особо* тяжких преступлений (ст. 15 УК РФ), к которым относится и *государственная измена* (ст. 275). Возникает вопрос, следует ли под «иными тяжкими преступлениями» понимать «особо тяжкие преступления» или просто «тяжкие»?

⁶³ Колосова Н. М. Указ. соч. С. 69.

ответственности блокируется благодаря конституционному закреплению президентской *неприкосновенности*. Правда, объем юридического иммунитета в разных государствах различен, а в некоторых конституциях, например США, Аргентины, Австрии, Кыргызстана, о неприкосновенности впрямую вообще ничего не сказано.

Давно стало общепризнанным, что иммунитетом от юридического преследования должны обладать парламентарии и судьи, поскольку *сам характер их деятельности требует дополнительной защиты* от возможных действий исполнительной власти.

Конституционный Суд РФ четко выразил эту мысль в двух следовавших друг за другом делах. Депутатскую (парламентскую) неприкосновенность Суд назвал важнейшей правовой гарантией деятельности парламентария, и «по своему содержанию это гарантия более высокого уровня по сравнению с общими конституционными гарантиями неприкосновенности личности. Она не является личной привилегией, а имеет публично-правовой характер, призвана служить публичным интересам, обеспечивая повышенную охрану законом личности парламентария в силу осуществляемых им государственных функций, ограждая его *от необоснованных преследований*, способствуя *беспрепятственной деятельности* парламентария и тем самым – парламента, их самостоятельности и независимости»⁶⁴. Практически ту же позицию Конституционный Суд РФ высказал и в отношении судейской неприкосновенности, добавив лишь, что «следует также учитывать *особый режим* судейской работы, *повышенный профессиональный риск*, наличие различных процессуальных и организационных средств контроля за законностью действий и решений судьи»⁶⁵.

Применимы ли подобные аргументы к президенту? Конституционный Суд РФ считает, что вполне. В 2000 г. он высказал следующую правовую позицию: «Исходя из занимаемого Президентом Российской Федерации *места в системе органов государственной власти, а также его конституционного статуса*, Конституция Российской Федерации закрепляет неприкосновенность Президента Российской Федерации, а также другие правовые средства, которые обеспечивают *свободное и ответственное осуществление* Президентом Российской Федерации принадлежащих ему конституционных полномочий и непрерывность функционирования института главы государства»⁶⁶.

⁶⁴ По делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 18, статьи 19 и части второй статьи 20 Федерального закона от 8 мая 1994 года «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»: постановление Конституционного Суда РФ от 20 февраля 1996 г. № 5-П (п. 1 мотивировочной части) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 9. Ст. 828.

⁶⁵ По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан Р. И. Мухаметшина и А. В. Барбаша: постановление Конституционного Суда РФ от 7 марта 1996 г. № 6-П (п. 2 мотивировочной части) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 14. Ст. 1549.

⁶⁶ По делу о толковании положений статей 91 и 92 (часть 2) Конституции Российской Федерации о досрочном прекращении полномочий Президента Россий-

Нетрудно заметить, что здесь, в отличие от обоснования парламентской и судебской неприкосновенности, Суд не упоминает о «необоснованных преследованиях», «особом режиме работы» или «повышенном профессиональном риске», а акцентирует внимание на месте президента в системе публичной власти и его статусе. И хотя Конституционный Суд РФ аргументирует неприкосновенность президента необходимостью свободно и ответственно осуществлять конституционные полномочия, главный аргумент – именно *статус главы государства*. Таким образом, институт президента фактически ставится выше представителей других государственных институтов.

Сама лапидарность формулировки ст. 91 Конституции РФ нацеливает на то, чтобы воспринимать «статусную» неприкосновенность Президента как *аналог монархической* в отличие от «функциональной» неприкосновенности парламентариев (ст. 98) и судей (ст. 122)⁶⁷. Так ее и воспринимает, например, Г. В. Васильева, сравнивая формулировки президентской неприкосновенности и неприкосновенности парламентариев и судей. Из этого она делает вывод «о ничем не ограниченной неприкосновенности Президента»⁶⁸.

Примерно так же трактуют конституционную формулировку неприкосновенности Президента РФ Р. М. Дзидзоев и С. В. Рунец: «Юридическая ответственность главы государства весьма специфична: ввиду обладания им особого конституционно-правового статуса, связанного с выполнением высших управленческих и представительских функций, глава государства обладает *практически полным* юридическим иммунитетом, *абсолютной невосприимчивостью* к мерам административной и уголовной ответственности. Краткость конституционной формулы «Президент Российской Федерации обладает неприкосновенностью» (ст. 91 Конституции РФ) свидетельствует о *неограниченном президентском иммунитете*, исключая возможность применения к нему каких-либо юридических мер принудительного порядка»⁶⁹.

ской Федерации в случае стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия : постановление Конституционного Суда РФ от 11 июля 2000 г. № 12-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 29. Ст. 3118.

⁶⁷ Правда, в законодательстве содержание парламентской и судебской неприкосновенности шире, чем в Конституции (см.: Статья 19 Федерального закона от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ (в ред. от 22.12.2020) «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 2. Ст. 74 ; Ст. 16 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1792).

⁶⁸ Комментарий к Конституции Российской Федерации / под общ. ред. В. Д. Карповича. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2002. С. 642.

⁶⁹ Дзидзоев Р. М., Рунец С. В. Ответственность главы государства : Россия и зарубежный опыт. Краснодар, 2008. С. 7–8.

Австрийский государствовед Б. Визер, комментируя ст. 91 российской Конституции, также близок к пониманию президентской неприкосновенности как абсолютного иммунитета, утверждая, что ст. 91 «не содержит содержательных и процедурных ограничений неприкосновенности» и потому, «с одной стороны, ст. 91 КРФ защищает Президента от всех форм уголовного преследования. С другой стороны, на Президента в любом случае не распространяется административная и *гражданско-правовая* (?! – М. К.) ответственность, в отличие от парламентариев и судей, в отношении которых ст. 98 и 122 КРФ не содержит однозначных предписаний по данному поводу»⁷⁰. Проще говоря, по Визеру, раз Конституция не раскрывает понятие «неприкосновенность» применительно к Президенту РФ, следовательно, нужно исходить из понимания ее как полного юридического иммунитета. Визер объясняет это тем, что без полного освобождения Президента от ответственности «целенаправленность обеспечения функционирования должности (? – М. К.) потеряла бы смысл или могла бы быть подорвана (стоит только подумать о «сфабрикованных» уголовных и гражданско-правовых процессах против Президента)»⁷¹. Но как можно, не говоря о фантастичности ситуации, класть в обоснование теоретической позиции возможность должностного преступления (имеются в виду слова о «сфабрикованных» процессах против Президента)?

Практически как об абсолютной не-ответственности, за исключением импичмента, пишет в своем комментарии и Е. Ю. Бархатова: «Конституция РФ, допуская случаи привлечения Президента РФ к уголовной ответственности, в то же время не предусматривает возможности наступления гражданско-правовой, дисциплинарной, административной ответственности для Президента РФ в течение срока осуществления его полномочий. Таким образом, Президент РФ *в принципе ни перед кем не несет ответственности за свою текущую деятельность*»⁷².

С. А. Авакьян, анализируя практику 1990-х гг., не отрицает ответственность Президента РФ, а скорее сомневается в возможности ее реализации: «Парламент ставит под сомнение поступки Президента лишь в случае совершения им особо тяжких преступлений. <...> Конечно, палаты могут дать оценку любым решениям Президента, не поддержать их и даже осудить. Кстати, порой они это делают. Но с точки зрения влияния на пребывание Президента на своем посту такие высказывания – это, право же, лишь “сотрясение воздуха”»⁷³. С этим трудно согласиться. Во-первых, в президентской или полупрезидентской республике сама по себе критика парламентом президентских решений не «влияет на пребы-

⁷⁰ Комментарий к Конституции Российской Федерации : в 2 т. Т. 2 / под ред. Б. Визера. М., 2018. С. 1250.

⁷¹ Там же.

⁷² Бархатова Е. Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации. Новая редакция. 2020. 3-е изд., перераб. и доп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷³ Авакьян С. А. Досрочное прекращение полномочий Президента России : проблемы, требующие юридических решений // Законодательство. 1999. № 2. С. 88.

вание президента на своем посту», если только парламент не применит процедуру импичмента. Во-вторых, неверно говорить, что реакция палат парламента на решения президента есть «сотрясение воздуха». Ошибочно считать, будто общий настрой и, тем более, официальные заявления (постановления) палат (особенно Госдумы) никак не волновали Президента Ельцина. Напротив, они побуждали его к ответным шагам (могу засвидетельствовать это как его бывший помощник). Критические высказывания депутатов и заявления палат, конечно, нельзя считать мерой политической ответственности, но они играли роль ее своеобразного заменителя и выступали вполне ощутимым фактором, учитываемым при разработке тех или иных президентских решений.

Пожалуй, лишь Г. Д. Садовникова, анализируя ст. 91 Конституции РФ, вполне обоснованно пошла по пути аналогии президентской неприкосновенности с содержанием парламентского иммунитета. Комментируя эту конституционную статью, она пишет: «Под Н[еприкосновенностью] П[резидента] РФ понимают невозможность возбудить против него уголовное дело и административное производство. Действующий П. РФ не может быть *арестован, задержан в административном порядке, подвергнут обыску и личному досмотру*. Очевидно, неприкосновенность распространяется также на его жилище, служебное помещение, транспорт. Ни один государственный орган не может принять решение о лишении или ограничении Н. П. РФ. При этом не следует толковать неприкосновенность П. РФ как возможность уйти от ответственности в случае совершения им противоправного деяния. Статья 93 Конституции закрепляет процедуру отрешения П. РФ от должности, после чего возможно привлечение его к любому виду ответственности. Н. П. РФ *не означает невозможности его привлечения в качестве ответчика по гражданскому делу*»⁷⁴.

Довершает картину практически абсолютного иммунитета Президента РФ не только конституционная формулировка неприкосновенности, но и *отсутствие возможности при достаточных основаниях лишить его иммунитета* (это допускается лишь в отношении бывших президентов, не отрешенных от должности). Одни комментаторы отмечают такое отличие⁷⁵, другие пытаются еще и объяснить, почему законодательно невозможно предусмотреть механизм снятия с Президента иммунитета. Так, Б. Визер считает, что «подобная процедура не может быть предусмотрена и на уровне обычных законов»⁷⁶, так как в ст. 98 и 122 Конституции РФ есть ссылка на законы, а в ст. 91 «отсутствуют указания на конкретизирующий закон. Отсюда можно

⁷⁴ Садовникова Г. Д. Комментарий к Конституции Российской Федерации (по-статейный) / отв. ред. И. А. Конюхова (Умнова). 7-е изд., испр. и доп. М., 2012. С. 150.

⁷⁵ См., например: Конституция Российской Федерации : науч.-практ. комментарий. 3-е изд. / под ред. Б. Н. Топорнина. С. 604 ; Садовникова Г. Д. Указ. соч. С. 151.

⁷⁶ Комментарий к Конституции Российской Федерации : в 2 т. Т. 2 / под ред. Б. Визера. С. 1251.

сделать вывод, что вопрос Н[еприкосновенности] П[резидента] *окончательно* урегулирован на конституционно-правовом уровне, и издание какого бы то ни было конкретизирующего закона недопустимо»⁷⁷. Этой позиции противостоит Б. С. Эбзеев, который пишет, что «составители проекта Конституции вкладывали в понятие неприкосновенности Президента наиболее широкое понимание, полагая при этом, что его объем будет установлен федеральным законом»⁷⁸. Однако в практическом плане такое предположение не может быть реализовано. Хотя, действительно, отсутствие в ст. 91 Конституции отсылки к федеральному закону не препятствует законодательной конкретизации понятия «неприкосновенность» в отношении президента, подобный закон не смог бы урегулировать многие вопросы: например, установить, кто вправе лишить президента иммунитета, а также определить санкции за явное нарушение им конкретных конституционных полномочий. Такого рода регулирование вошло бы в противоречие с Конституцией. А применить аналогию с законом о гарантиях бывшим президентам нельзя (Б. Визер здесь прав), поскольку «конституционные понятия не могут толковаться на основании подконституционных норм»⁷⁹.

В защиту широко понимаемой неприкосновенности президента могут сказать, что он является *главой государства, т.е. высшим его представителем*, а потому предъявление каких бы то ни было претензий к президенту есть дискредитация государства, которое он представляет (возглавляет). По крайней мере, некоторые исследователи считают именно так. Например, Б. С. Эбзеев пишет, что объяснение президентской неприкосновенности «возможно на основе *теории «представительного характера»* института президента, согласно которой глава государства *персонифицирует Российскую Федерацию* как особую конституционно- и международно-правовую личность <...>»⁸⁰. Трудно сказать, о какой именно теории пишет Б. С. Эбзеев и как она связана с идеей персонификации государства. Но, по нашему убеждению, персонифицировать государство может лишь монарх.

Вопрос о содержании понятия «неприкосновенность президента» имеет далеко не только академический характер. Российская судебная практика с некоторого времени складывается таким образом, что «неприкосновенность» считается не только абсолютным иммунитетом Президента

⁷⁷ Там же. С. 1249. Возможно, Б. Визеру помогает стоять на этой позиции Конституция Австрии, которая сама закрепляет возможность лишения президентского иммунитета Парламентом: «Официальное возбуждение преследования против Федерального президента допускается только в случае *согласия на это Федерального собрания*» (ч. 1 ст. 63).

⁷⁸ Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина, Л. В. Лазарева. М., 2009. С. 737.

⁷⁹ Комментарий к Конституции Российской Федерации : в 2 т. Т. 2 / под ред. Б. Визера. С. 1249.

⁸⁰ Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина, Л. В. Лазарева. С. 737.

РФ, но и фактически распространяется на *служащих его аппарата* (!) – президентской Администрации. Приведем для примера выдержки из решений нескольких судов:

Определение Тверского районного суда г. Москвы от 23 апреля 2010 г.: «Заявитель обратился в суд с заявлением к начальнику Управления Президента РФ по работе с обращениями граждан об оспаривании действий (бездействия). Данное заявление не может быть принято и рассмотрено Тверским районным судом г. Москвы по следующим обстоятельствам. В силу п. 1 Положения об Управлении Президента РФ по работе с обращениями граждан, утвержденного Указом Президента РФ от 24.08.2004 № 1102 Управление Президента РФ по работе с обращениями граждан является самостоятельным подразделением Администрации Президента РФ. Согласно п. 7 Положения об Администрации Президента РФ, утвержденного Указом Президента РФ от 06.04.2004 № 490 общее руководство Администрацией Президента РФ осуществляет непосредственно Президент РФ, которому подчиняется Администрация Президента РФ, ее структурные подразделения. Таким образом, деятельность Управления Президента РФ по работе с обращениями граждан, Администрации Президента РФ и должностных лиц данного государственного органа обусловлена спецификой полномочий, предоставленных Управлению Президента РФ по работе с обращениями граждан действующими нормативными актами, подотчетна и подконтрольна Президенту РФ. Обжалование в судебном порядке действий государственных органов и их должностных лиц, находящихся в непосредственном подчинении Президента РФ, а также предъявление исков к данным государственным органам, на практике означает прямое либо косвенное вмешательство в конституционно-правовую и иную деятельность Президента России как главы государства, обладающего неприкосновенностью и осуществляющего верховную государственную власть в Российской Федерации, что недопустимо и нарушает основы Конституционного строя РФ и принцип разделения властей, закрепленный в ст. 10 Конституции РФ. Данные обстоятельства позволяют прийти к выводу, что в принятии рассматриваемого заявления в силу п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ должно быть отказано»⁸¹.

Апелляционное определение Белгородского областного суда от 20 августа 2013 г. № 33-2834: «В силу ст. 91 Конституции Российской Федерации Президент Российской Федерации обладает неприкосновенностью, и поэтому он не может быть привлечен к любой установленной федеральным законом ответственности, в том числе к гражданско-правовой ответственности. В связи с этим и обжалование в судебном порядке действий государственных органов, их должностных лиц, находящихся в непосредственном подчинении Президенту Российской Федерации, а также предъявление исков к данным государственным органам, их должностным лицам на практике означает прямое либо косвенное вмешательство в конституционно-правовую и иную деятельность Президента Российской Федерации как главы государства, обладающего неприкосновенностью и осуществляющего верховную государственную власть в Российской Федерации, что недопустимо и нарушает основы конституционного строя Российской Федерации

⁸¹ Цит. по: Право на доступ к информации // Живой журнал. Институт развития свободы информации. Журнал Елены Голубевой. URL: <http://fogosa.livejournal.com/7707.html> (дата обращения: 15.06.2010). В настоящее время по данному адресу этого журнала нет.

и принцип разделения властей, закрепленный в ст. 10 Конституции Российской Федерации»⁸².

Определение Административной коллегии Верховного Суда РФ по кассационной жалобе от 21 июля 2021 г. № 18-КАД21-32-К4: «Отменяя определение судьи районного суда, судья апелляционной инстанции указал на то, что административный иск не подлежит рассмотрению и разрешению в порядке административного судопроизводства, поскольку *действия (бездействие) государственных органов, должностных лиц, находящихся в непосредственном подчинении Президента Российской Федерации, не могут быть предметом самостоятельного судебного разбирательства.* В противном случае это означало бы нарушение принципа разделения властей на территории Российской Федерации и явилось бы неправомерным вмешательством в конституционно-правовую и иную деятельность Президента Российской Федерации как главы государства. [...] В соответствии с частями 1 и 2 статьи 80, статьи 91 Конституции Российской Федерации Президент Российской Федерации является главой государства, гарантом Конституции Российской Федерации и обладает неприкосновенностью. Президент Российской Федерации самостоятелен в разрешении вопросов, отнесенных к его компетенции. Пунктами 1 и 7 Положения об Администрации Президента Российской Федерации, утвержденного указом Президента Российской Федерации от 6 апреля 2004 года № 490, предусмотрено, что Администрация Президента Российской Федерации является государственным органом, который обеспечивает деятельность Президента Российской Федерации и осуществляет контроль за исполнением решений Президента Российской Федерации. Общее руководство Администрацией осуществляет Президент Российской Федерации. Исходя из приведенных положений и принципа разделения властей суд не уполномочен обязывать Президента Российской Федерации и подчиненные ему государственные органы совершать какие-либо действия или принимать решения. При таких обстоятельствах судьи апелляционной и кассационной инстанций пришли к правильному выводу о том, что требования административных исцов, предъявленные к Администрации Президента Российской Федерации, не подлежат рассмотрению в судах»⁸³.

Р. Бевзенко, из статьи которого позаимствован последний пример, совершенно справедливо пишет: «Во-первых, это прямо противоречит норме Конституции (ч. 2 ст. 46) о том, что любые действия или бездействие государственных органов могут быть обжалованы в суд. Никаких исключений из этого правила в законах нет. Во-вторых, это неверно по существу. Как раз из принципа разделения властей и возможности судебной власти контролировать законность действий власти исполнительной и следует, что только суд компетентен давать оценку законности действий любого исполнительного органа. В-третьих, этот вывод может

⁸² Цит. по: Федеративное устройство, органы публичной власти, конституционные поправки и пересмотр Конституции, заключительные и переходные положения. Постатейный комментарий к Конституции Российской Федерации в документах и материалах. Вып. I–II. М., 2014. С. 588.

⁸³ Цит. по: *Бевзенко Р.* Как Администрацию президента признали не подлежащей судебной юрисдикции. URL: https://zakon.ru/blog/2021/8/17/kak_administraciyu_prezidenta_priznali_ne_podlezhachej_sudebnoj_yurisdikcii_kommentarij_k_opredele (дата обращения: 20.08.2021).

дать весьма далеко идущие последствия. Если продолжить логику, основанную на изложенном судьей Горчаковой понимании «неприкосновенности президента и его самостоятельности в принятии решений» и извращенном понимании принципа разделения властей, то окажется, что акты президента вообще не могут быть предметом судебной оценки. Он же неприкосновенен и самостоятелен!»⁸⁴.

Трудно сказать (можно лишь догадываться), откуда взялось такое единство судебной практики, противоречащей Конституции. Любопытно отметить только то, что судьи принимали решения, *невольнo* следуя бытовавшей в IX в. в некоторых странах Европы концепции, согласно которой ««достоинство» короля распространяется на тех его представителей, которые выполняют особые поручения, прежде всего на посланников»⁸⁵. Однако впоследствии, напомним, укоренилась иная концепция – за монарха несут ответственность его министры. Так что российская судебная практика в вопросе о неприкосновенности президента невольнo воспроизводит взгляды раннего Средневековья.

Монархическая «подоплека» еще более очевидна в тех республиках, где неприкосновенность включает в себя не только юридический иммунитет, но и *охрану чести и достоинства президента* (например, в конституциях Азербайджана, Беларуси, Казахстана, Туркменистана, Украины. В Чехии высказывались лишь предложения о введении механизма специальной охраны президентских чести и достоинства). Это неправильная и опасная (для демократии) конструкция. С одной стороны, современные конституции гарантируют защиту чести и достоинства *любого* человека, и в этом смысле президент на равных основаниях должен быть защищен от унижающих высказываний, оскорблений, клеветы и пр. С другой стороны, «повышенная степень» защиты чести и достоинства станет фактически *запретом на критику президента*. Между тем в отличие от монарха президент является *политическим деятелем*, а занятие публичной должности, по мнению Европейского суда по правам человека, должно не усиливать, а ослаблять защиту репутации соответствующего лица.

В частности, в Решении ЕСПЧ по делу *Лингенс против Австрии* (1986)⁸⁶ сказано, что «пределы допустимой критики в отношении политического деятеля значительно шире, чем в отношении частного лица. В связи с этим и сам политический деятель должен проявлять бóльшую терпимость к тому вниманию, которое журналисты и общество уделяют его словам и действиям»⁸⁷. А комментаторы добавляют, что в распоряжении общественного деятеля могут быть более сильные средства реагирования на несправедливую критику. Таким образом, рядовой гражданин сильнее страдает от выражения мнений, чем общественный деятель»⁸⁸.

⁸⁴ Бевзенко Р. Указ. соч.

⁸⁵ Сидоров А. Указ. соч. С. 274.

⁸⁶ Eur. Court H. R. *Lingens v. Austria*, Judgment of 8 July 1986. Series A. № 103.

⁸⁷ Цит. по: Стандарты Совета Европы в области прав человека применительно к положениям Конституции Российской Федерации. Избранные права. М., 2002. С. 220.

⁸⁸ *Дженис М., Кэй Р., Бредли Э.* Европейское право в области прав человека. Практика и комментарии. М., 1997. С. 219.

Так что если и можно применять категорию «честь и достоинство» к президенту, то только в том смысле, в котором, например по Конституции РФ, закрепляется одно из оснований для досрочного прекращения полномочий судьи – «совершение поступка, порочащего честь и достоинство судьи» (п. «е.3» ст. 83 и п. «л» ст. 103), или – по Конституции Республики Узбекистан – основание для освобождения от должности хокимов (глав администраций) районов и городов «в случае нарушения ими Конституции, законов или совершения действий, порочащих честь и достоинство хокима» (п. 15 ст. 93).

Библиографический список

Авакьян С. А. Досрочное прекращение полномочий Президента России : проблемы, требующие юридических решений // Законодательство. 1999. № 2.

Алексеев А. С. Безответственность монарха и ответственность правительства. М. : Изд. Т-ва И. Д. Сытина, 1907.

Алексеев А. С. К вопросу о юридической природе власти монарха в конституционном государстве. Ярославль : Тип. Губернского Правления, 1910.

Бархатова Е. Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации. Новая редакция. 3-е изд., перераб. и доп. 2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Бевзенко Р. Как администрацию президента признали не подлежащей судебной юрисдикции. URL: https://zakon.ru/blog/2021/8/17/kak_administraciyu_prezidenta_priznali_ne_podlezhachej_sudebnoj_yurisdikcii_kommentarij_k_opredele

Богданди А. фон. Доктринальный конструктивизм в прошлом и будущем : стратегия ответа на насущные вопросы, стоящие перед конституционно-правовой наукой в Европе // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 1.

Виноградов В. А. Конституционная ответственность : вопросы теории и правового регулирования. М., 2000.

Гашек Я. Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны : пер. с чешск. М. : Гос. изд. худ. литературы, 1956.

Дженис М., Кэй Р., Бредли Э. Европейское право в области прав человека. Практика и комментарии. М., 1997.

Дзидзов Р. М., Рунец С. В. Ответственность главы государства : Россия и зарубежный опыт. Краснодар, 2008.

Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства / пер. с фр. А. С. Яценко, В. А. Краснокутского, Б. И. Сыромятникова ; предисл. к русскому переводу П. Новгородцева и автора. М. : Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1908.

Зражевская Т. Д. Ответственность по советскому государственному праву. Воронеж, 1980.

Ивановский В. В. Государственное право // Известия и ученые записки Казанского ун-та. По изданию № 5 1895 г. – № 11 1896 г. § 22. Преимущества или прерогативы субъекта верховной власти. URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc117p0/instrum2817/print2841.html>

Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / пер. с англ. М. А. Бойцова, А. Ю. Серегиной. Изд. второе, испр. М. : Изд-во Института Гайдара, 2015.

Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву // Кокошкин Ф. Ф. Избранное / сост., автор вступ. статьи и коммент. А. Н. Медушевский. М., 2010.

Колосова Н. М. Конституционная ответственность в Российской Федерации. М. : Городец, 2000.

Комментарий к Конституции Российской Федерации : в 2 т. Т. 2 / под ред. Б. Визера. М. : Инфотропик Медиа, 2018.

Комментарий к Конституции Российской Федерации / под общ. ред. В. Д. Карповича. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Юрайт-М : Новая правовая культура, 2002.

Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина, Л. В. Лазарева. М. : ЭКСМО, 2009.

Констан Б. Принципы политики, пригодные для всякого правления // Французский классический либерализм : сборник : пер. с фр. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000.

Конституция Российской Федерации : науч.-практ. комментарий. 3-е изд. / под ред. Б. Н. Топорнина. М. : Юристъ, 2003.

Котляревский С. А. Конституционное государство // Котляревский С. А. Избранные труды / сост., автор вступ. статьи, коммент. К. А. Соловьев. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

Краснов М. А. Ответственность в системе народного представительства. М. : Наука, 1992.

Лапаева В. В. Конституционное правосудие как фактор стабильности конституционно-правовых отношений // Журнал российского права. 1999. № 5/6.

Лафитский В. И. Великие конституции (истоки, факторы развития и роль в современном мире). М. : БИБЛИО-ГЛОБУС, 2017.

Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Соч. : в 3 т. М. : Мысль, 1988. Т. 3.

Лучин В. О. Ответственность в механизме реализации Конституции // Право и жизнь. 1992. № 1.

Матвё Б. Место Президента Республики во французской институциональной системе : от текста к практике // Политические институты России и Франции : традиции и современность : сб. науч. трудов / отв. ред. Д. В. Ефременко, Н. Ю. Лапина. М. : ИНИОН РАН, 2014.

Могунова М. А. Скандинавские государства : центральные органы власти. М. : Юрид. лит., 1975.

Монтескье Ш. Л. О духе законов / пер. А. Горнфельда ; вступ. статья Д. Хаустова. М. : РИПОЛ классик, 2019.

Моро Ф. В защиту парламентаризма / пер. с фр. Кагана. М. : Типография «Север», 1908.

Осавелюк А. М. Конституционное право зарубежных стран : учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012.

Право на доступ к информации // Живой журнал. Институт развития свободы информации. Журнал Елены Голубевой. URL: <http://fogosa.livejournal.com/7707.html>

Римини Р. Краткая история США / пер. с англ. О. Александяна. М. : КоЛибри : Азбука-Аттикус, 2018.

Садовникова Г. Д. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. И. А. Конюхова (Умнова). 7-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2012.

Сидоров А. Обесчестить короля : honor и его место в каролингской политической культуре // Анатомия власти : государи и подданные в Европе в Средние века и Новое время / сост. и отв. ред. О. Воскобойников, О. Тогоева. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.

Тогоева О. В тени короля // Анатомия власти : государи и подданные в Европе в Средние века и Новое время / сост. и отв. ред. О. Воскобойников, О. Тогоева. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.

Токвиль А. Демократия в Америке / пер. с фр., предисловие Гарольда Дж. Ласки. М. : Весь Мир, 2000.

Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М. : Облиздат, Алир, 1998.

Чичерин Б. Н. О народном представительстве. СПб. : Наука, 2016.

Шекспир В. Жизнь и смерть короля Ричарда II // Шекспир В. Собр. избр. произведений : в 18 т. Т. 9 / пер. с англ. М. Донского. СПб. : КЭМ, 1993.

Шмитт К. Учение о конституции (фрагмент) // Шмитт К. Государство и политическая форма / пер. с нем. О. В. Кильдюшова ; сост.: В. В. Анашвили, О. В. Кильдюшов. М. : Изд. дом гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010.

Rotter J. B. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement // Psychological monographs. 1966. Vol. 80 (1).

References

Avakyan S. A. Early termination of powers of the President of Russia: problems requiring legal solutions // Legislation. 1999. № 2.

Alekseev A. S. Irresponsibility of the Monarch and Responsibility of the Government. М. : Publishing house of I.D. Sytin, 1907.

Alekseev A. S. On the question of the legal nature of the monarch's power in a constitutional state. Yaroslavl : The Printing House of the Provincial Board, 1910.

Barkhatova E. Yu. Commentary to the Constitution of the Russian Federation. New Revision. 2020. 3rd edition, revised and supplemented // Legal Reference System «KonsultantPlus».

Bevzenko R. How the Presidential Administration was recognized as not subject to judicial jurisdiction. URL: https://zakon.ru/blog/2021/8/17/kak_administraciyu_prezidenta_priznali_ne_podlezhaschej_sudebnoj_yurisdikcii_kommentarij_k_opredele

Bogdandy A. von. Doctrinal Constructivism in the Past and in the Future: The Strategy of the Answer to the Existing Questions of the Constitutional-Legal Science in Europe // Comparative Constitutional Review. 2010. № 1.

Vinogradov V. A. Constitutional responsibility: issues of theory and legal regulation. М., 2000.

Gashek Ya. The adventures of the brave soldier Schweik during World War / translated from Czech. M. : State Publishers of Art Books, 1956.

Janis M., Kay R., Bradley E. European Law of Human Rights. Practice and Comments. M., 1997.

Dzidzoev R. M., Runets S. V. Responsibility of the Head of State: Russia and foreign experience. Krasnodar, 2008.

Dugi L. Constitutional law. General Theory of State / Translated from French by A. S. Yashchenko, V. A. Krasnokutskiy, B. I. Syromyatnikov / With the preface to the Russian translation by Prof. P. Novgorodtsev and the author. M. : Printing house of I.D. Sytin, 1908.

Zrazhevskaya T. D. Responsibility according to the Soviet state law. Voronezh, 1980.

Ivanovsky V. V. State law // Proceedings and Scientific Notes of Kazan University. According to the edition № 5 of 1895 – № 11 of 1896. § 22. Advantages or prerogatives of the subject of supreme power. URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc117p0/instrum2817/print2841.html>

Kantorovich E. H. Two Bodies of the King. A Study of Medieval Political Theology. Edited and revised second edition / Translated from English by M. A. Boitsov and A. Yu. Seregina. M. : Publishing house of Gaidar Institute, 2015.

Kokoshkin F. F. Lectures on general state law // Kokoshkin F. F. Selected works / Comp. Ed. by A. N. Medushevskiy. M., 2010.

Kolosova N. M. Constitutional responsibility in the Russian Federation. M. : Gorodets, 2000.

Commentary to the Constitution of the Russian Federation. In 2 volumes. Volume II / Under the editorship of Doctor of Law, Prof. Bernd Wieser. M. : Infotropic Media, 2018.

Commentary on the Constitution of the Russian Federation / Ed. by V. D. Karpovich. 2nd ed. rev. and revised. M. : Yurait-M : New Legal Culture, 2002.

Commentary to the Constitution of the Russian Federation / Ed. by V.D. Zorkin, L.V. Lazarev. M. : EXMO, 2009.

Constant B. Principles of Politics, Suitable for Any Government // French Classical Liberalism: Compilation / Per. from Fr. M. : The Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2000.

Constitution of the Russian Federation. Scientific and practical commentary. 3rd edition / Ed. by B. N. Topornin. M. : Jurist, 2003.

Kotlyarevsky S. A. Constitutional state // Kotlyarevsky S. A. Selected works. Compiled, the author of the preface and commentaries K. A. Soloviev. M. : The Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2010.

Krasnov M. A. Responsibility in the system of people's representation. M. : Nauka, 1992.

Lapaeva V. V. Constitutional justice as a factor of stability of constitutional-legal relations // Journal of Russian Law. 1999. № 5/6.

Lafitsky V. I. Great Constitutions (Origins, Factors of Development and Role in the Modern World). M. : BIBLIO-GLOBUS, 2017.

Locke J. Two treatises on government // Locke J. Op. in 3 vols. Vol. 3. M. : Thought, 1988.

Luchin V. O. Responsibility in the mechanism of realization of the Constitution // Law and Life. 1992. № 1.

Matthieu B. The place of the President of the Republic in French institutional system: from the text to practice // Political institutions of Russia and France: Traditions and contemporaneity: Collection of scientific works / Responsible editors D. V. Efremenko, N. Y. Lapina. M. : RAS. INION, 2014.

Mogunova M. A. Scandinavian states: central authorities. M. : Jurid. lit., 1975.

Montesquieu Ch. L. On the spirit of laws / Per. in Russian by A. Gornfeld ; vignette by D. Haustov. M. : RIPOL Classic, 2019.

Moreau F. In defense of parliamentarism / Per. from French Kagan. M. : Printing house «North», 1908.

Osavel'yuk A. M. Constitutional law of foreign countries: Textbook for students of universities studying in the field of jurisprudence / 2nd ed. revised and extended. M. : UNITI-DANA, 2012.

The right of access to information // Live Journal. Institute for Development of Freedom of Information. Journal of Elena Golubeva. URL: <http://fogosa.live-journal.com/7707.html>

Rimini R. A Brief History of the United States / Translated from English by O. Aleksanyan. M. : KoLibri : Azbuka-Attikus, 2018.

Sadovnikova G. D. Commentary to the Constitution of the Russian Federation (article-by-article) / Ed. by I.A. Konyukhova (Umnova). M. : Yurite, 2012.

Sidorov A. To dishonor the King: honor and its place in the Carolingian political culture // Anatomy of Power: the sovereigns and subjects in Europe in the Middle Ages and Modern Times / Compiled and Edited by O. Voskoboynikov and O. Togoeva. M. : Higher School of Economics Publishing House, 2021.

Togoeva O. In the Shadow of the King // Anatomy of power: sovereigns and subjects in Europe in the Middle Ages and Modern time / Compiled and Edited by O. Voskoboynikov and O. Togoeva. M. : Higher School of Economics Publishing House, 2021.

Tocqueville A. Democracy in America / Ed. by Harold J. Laski. M. : Ves Mir, 2000.

Tikhomirov L. A. Monarchical statehood. M. : Oblizdat : Alir, 1998.

Chicherin B. N. On People's Representation. SPb : Nauka, 2016.

Shakespeare W. Life and Death of King Richard II // Shakespeare W. Collection of Selected Works. In 18 vols. T. 9. Translated from English M. Donskoy. St. Petersburg : KEM, 1993.

Schmitt K. Theory on the Constitution (fragment) // Schmitt K. The State and Political Form. Translated from O. V. Kildjushov; V. V. comp. V. V. Anashvili, O. V. Kildjushov. M. : State University Higher School of Economics, 2010.

Rotter J. B. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement // Psychological monographs. 1966. Vol. 80 (1).

Для цитирования:

Краснов М. А. Не-ответственность монарха и ответственность президента // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 4 (51). С. 10–44. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2022/4/10-44>

Recommended citation:

Krasnov M. A. The Non-Responsibility of the Monarch and the Responsibility of the President // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2022. № 4 (51). P. 10–44. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2022/4/10-44>

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Краснов М. А., доктор юридических наук, профессор Высшей школы юриспруденции и администрирования
E-mail: mkrasnov@hse.ru

National Research University «Higher School of Economics»

Krasnov M. A., Doctor of Legal Sciences, Professor at the Graduate School of Law and Administration
E-mail: mkrasnov@hse.ru